

Силаева И.А.
Н.Н. ОГЛОБЛИН ОБ ИСТОЧНИКАХ СЛУЖЕБНОЙ ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ
С.У. РЕМЕЗОВА

Ключевые слова: Н.Н. Оглоблин, С.У. Ремезов, Чертежная книга Сибири, источники Чертежной книги Сибири, русская картография рубежа XVII–XVIII вв.

Значительное место в исследованиях рубежа XIX–XX вв. видного российского ученого Н.Н. Оглоблина заняли вопросы истории Сибири в двухвековой период после завоевания русскими этой бескрайней территории. При определении источников, которые использовал при составлении Чертежной книги Сибири (1701 г.) сын боярский С.У. Ремезов, Н.Н. Оглоблин пришел к выводу о том, что этот драгоценный памятник отечественной картографии основан на таких перечисленных его автором материалах как существовавшие к тому времени сибирские чертежи, географические сочинения, а также расспросы людей, знавших об Азиатской России [6, с. 3].

Изучая, попавшие в поле зрения С.У. Ремезова чертежи, в том числе привлекая сведения из фонда Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции (далее – МАМЮ), Н.Н. Оглоблин отводил существенную роль городovým чертежам, которые обычно направлялись из Сибири в Сибирский приказ [6, с. 3], а также, что интересно, чертежам, которые были выполнены в Москве непосредственно в этом приказе. Ученым указано, что семь листов из чертежа, занимающего 24 листа, были составлены самим С.У. Ремезовым. Остальные картографические материалы были скопированы тобольским сыном боярским, не исключая того, что С.Е. Ремезов их дополнил и отредактировал, взяв за основу дошедшие до него «городовые сибирские низовые чертежи».

Среди чертежей, использовавшихся С.У. Ремезовым, основным Н.Н. Оглоблин считал Первое чертежное описание Сибири (1668 г.) неизвестного составителя того времени. После обнаружения этого памятника, историк пришел к выводу о том, что описание появилось во исполнение государева указа, предписывающего создать чертеж сибирских земель, лесов и рек [6, с. 4].

Н.Н. Оглоблин, уделявший огромное внимание источниковому материалу, отметил, что чертеж Сибири 1668 г. так и не найден, хотя описание его было зафиксировано в одном столбце Сибирского приказа МАМЮ. Так, исследователь нашел несколько новых архивных сведений об источниках Чертежной книги Сибири (далее – ЧКС) в архиве МАМЮ. Он указал на то, что ЧКС С.У. Ремезова сопровождалась предисловием, где было отмечено отсутствие дошедших до нас других чертежей.

Как заключил Н.Н. Оглоблин, составитель ЧКС не располагал и появившимся в 1673 г. общим чертежом Сибири, опять-таки не сохранившимся даже до времен Н.Н. Оглоблина, а дошедшим до конца XIX в. в виде «Списка с Чертежа Сибирской земли», в издании Г.И. Спасского, то есть описания данного памятника [6, с. 4].

Н.Н. Оглоблин выяснил, что составитель ЧКС для изображения естественно-географического положения территории Сибири использовал составленные в Тобольске карты (1668/69, 1683/84 – 1686/87, 1688/89, 1695/96 – 1699/1700 гг.). По заключению Н.Н. Оглоблина, обращение С.Е. Ремезова к чертежам только второй половины XVII столетия может объясняться тем, что чертежи за первую половину этого столетия не сохранились. Хотя, как отметил видный историк и архивист, к сожалению для последующих исследователей, бесчисленные карты за вторую половину XVII в. не уцелели.

Выдающийся отечественный сибиревед отметил бытование в XVII столетии сотен разнообразных по содержанию картографических материалов, отражающих состояние городов, уездов, волостей, «землиц», водоемов и проток. Проанализировав содержание

2048 столбцов Сибирского приказа, Н.Н. Оглоблин обнаружил только три упоминания чертежей: района реки Тунгуски Илимского и Енисейского уездов (1683/84 г.), Ленской волости Якутского и Илимского уездов (1691/92 – 1692/93 гг.), схематического изображения реки Амура и его бассейна конца XVII в. (составленного в Москве, как выяснил историк) [6, с. 5].

Однако Н.Н. Оглоблин не смог указать на факты обращения создателя ЧКС к известным тогда перечисленным трем чертежам.

По наблюдению исследователя, С.У. Ремезов привлек к разработке ЧКС карты 1683/84 и 1699/1700 гг., но, несмотря на совпадение даты одного из чертежей с датой хронологии использовавшегося С.У. Ремезовым чертежа (1683/84 г.), – они оказались разные.

Среди документов, привлеченных С.У. Ремезовым к составлению ЧКС, имелись рукописные источники с географическими данными. Как отмечено Н.Н. Оглоблиным, такие памятники хранились в Сибирском приказе, приказной палате Тобольска и в других городах. Историком-сибиреведом показано наличие у С.У. Ремезова большого количества ссылок на различные географические сочинения, однако автор ЧКС мало говорит об их использовании. Так, в поле зрения Н.Н. Оглоблина попали писцовые, переписные и ясачные книги, а также доезды служилых людей по недавно присоединенным новым землям, статейные списки дипломатических выездов в порубежные государства, в том числе «Мунгалию» и Калмыкию.

Как выяснил историк, иногда часть ЧКС составлялась с использованием сведений из доездов. Подтверждением тому было упоминание доезда атамана Ивана Петрова с подьячими и мирзой Бурнашем Алышевым «с товарищами» в картографическом документе, направленном в Сибирь в 1566/67 г., то есть еще до похода в Сибирь дружины Ермака. (Этот источник большинство исследователей признает легендарным). Как показал Н.Н. Оглоблин, данный доезд С.У. Ремезов сделал приложением к одной из страниц ЧКС [6, с. 6].

При изучении ЧКС Н.Н. Оглоблиным были рассмотрены многочисленные виды чертежей XVII столетия. По его наблюдению, привлеченное С.У. Ремезовым Описание общего сибирского чертежа 1667/68 г. Семен Ульянов сын называл «Росписью против чертежу 1667/68 г.» и многократно к нему обращался.

Н.Н. Оглоблин нашел любопытным факт составления чертежа 1667/68 г.: указание подготовить чертеж предшествовало постройке крепостей и размещению драгун в Тобольском и Верхотурском уездах с целью их обороны от набегов. Исследователь указал на 4-ю и 5-ю статьи «Росписи против чертежу 1667/68 г.» (далее – «Роспись»), где были обозначены местности, предназначенные к описанию. Он отметил, что другие многочисленные статьи этого документа содержат сведения о расстояниях между населенными пунктами, исчисляемыми по рекам. К примеру, Н.Н. Оглоблин продемонстрировал, как указано было одно из таких расстояний: «от Тобольска вверх по реке Тоболу до усть Тавды реки хода три дня». Распространенным описанием в «Росписи» являлось именно такое, отражавшее данные по всей Сибири. Ученый констатировал крайнюю точку зафиксированного чертежа: на востоке – река Амур, на севере – реки Яна и Ковыма. Историк упоминал и о том, что автор «Росписи» не обошел вниманием и плодородные земли у Амура [6, с. 7].

Н.Н. Оглоблин признал немаловажными сведения статей 20–22 рассматриваемого источника, в которых автор отражал географические сведения о Китае и «Мунгалии». К тому же, в поле зрения автора «Росписи» попали и город Квинза, и «Индийская земля» (статья 22), расположенные «за китайским царством» [6, с. 8].

Историк-архивист отметил, что «Роспись» содержала «Азбуку», то есть список сокращений (где, к примеру, города обозначались «г», зимовья – «з», волость – «в»), а

также помету окольничего Р.М. Стрешнева, который доставил «Роспись» из Сибирского приказа государю.

Н.Н. Оглоблин констатировал, что масштабный материал «Росписи» способствовал подробному составлению ЧКС С.У. Ремезовым.

Ученый рассмотрел и такой источник ЧКС, как «сказки сведущих людей». Н.Н. Оглоблин отметил и то, что опрос разных по сословию и положению лиц С.Е. Ремезов вел с применением чертежей, то есть расспрашивал этих людей, ссылаясь на имевшуюся на руках у него «Роспись» и другие чертежи, взятые им в Сибирском приказе. К опросам привлекались тоболяки, местные «иноземцы» и иностранцы, гости и старожилы города, его уроженцы и «памятливые бывальцы» (к примеру, казанцы, уфимцы, пермяки, усольцы, кеврольцы). Как выяснил Н.Н. Оглоблин, расспросы были дословные, С.У. Ремезов фиксировал все необходимые ему расстояния между населенными пунктами, реками, волостями, озерами, поморскими берегами, губами, урочищами и островами, если эта информация ранее не была зафиксирована в дошедших до него чертежах [6, с. 8]. (Такие источники, как показал Н.Н. Оглоблин, широко применялись не только С.У. Ремезовым, но и последующими исследователями). Сохранился также другой список с «Росписи» с обнаруженной А.А. Титовым с его замечанием относительно предисловия, сообщающего, что это его копия с чертежа Сибири, сделанная тогда тобольским воеводой стольником П.И. Годуновым (1667 г.). Копии с нее снимались и в дальнейшем [6, с. 12].

Как показал исследователь, к «памятливым бывальцам», опрошенных С.У. Ремезовым, относился, в частности, Владимир Атласов, открывший Камчатку. Ученый отметил, что по возвращении из прославившей его экспедиции, С.У. Ремезов незамедлительно опросил этого якутского пятидесятника, поясняя ему о работе над ЧКС. Н.Н. Оглоблин привел отписку тобольского воеводы князя М. Черкасского «с товарищами» о расспросах С.У. Ремезовым В. Атласова [6, с. 9] и копированием этим тобольским сыном боярским этой обширной сказки «камчатского Ермака» и его недавней экспедиции. Историк отметил серьезное отношение С.У. Ремезова к составлению чертежа и указал на то, что использование свидетельств камчатского первопроходца для составления ЧКС является дополнительным доказательством подлинности ее сведений.

Невыясненными, по признанию Н.Н. Оглоблина, остались такие источники ЧКС как «многие географические книги». Ученый предполагал, что они являлись печатными. Упомянув их, он указывает на личный осмотр острогов и волостей Тобольского уезда С.У. Ремезовым в 1697/98 г. Однако, основными источниками ЧКС Н.Н. Оглоблин, посчитал чертежи, географические рукописи и расспросы «бывальцев» [6, с. 10].

Историк, изучая дипломатические связи русских с порубежными государствами, нашел, что описание реки Амура и его системы (внесенное С.У. Ремезовым в ЧКС) являлось приложением к докладу 1699/1700 г. о принятии в порубежных с Китаем городах мер по сохранению и строгому соблюдению правил дипломатических контактов в ходе миссии Ф.А. Головина с китайцами о недопущении конфликта с ними [5, с. 14, 114].

Н.Н. Оглоблин выяснил, что С.У. Ремезовым, составителем ЧКС, в 1710 г. была подготовлена переписная книга Тобольского уезда, содержащая подсчет населения с разделением на мужской, женский пол и по возрасту [3, с. 78].

Исследователь упоминает о привлечении ЧКС среди множества других материалов к рассмотрению дела о столкновении верхотурских служилых людей с земскими властями и крестьянами Кунгурского уезда (1703 г.); в числе этих материалов были челобитные, сыски, отписки [5, с. 187].

Н.Н. Оглоблин упоминал о привлечении им ЧКС, к обозрению челобитного дела пашенных крестьян Якутского уезда 1693/94 г., содержащего множество челобитных [4, с. 302].

Заметим, что почти всем авторам появившихся в последнее время работ о картографическом наследии С.У. Ремезова, за исключением Л.А. Гольденберга [1], рассмотренная статья Н.Н. Оглоблина осталась, очевидно, неизвестной [2; 7; 8].

Рассмотренные Н.Н. Оглоблиным источники ЧКС позволили определить с гораздо большей, чем ранее, полнотой степень участия сибиряков в накоплении и распространении географических знаний в XVII столетии.

1. Гольденберг, Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. : дисс. ... доктора ист. наук / Л. А. Гольденберг (1967) // Хорографическая чертежная книга Сибири Семёна Ульяновича Ремезова. – Тобольск : Изд. отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – 691 с.

2. Колобова, Я. Р. Особенности отображения тюрко-татарского населения Среднего Притоболья на чертежах С. У. Ремезова / Я. Р. Колобова // История, экономика и культура тюрко-татарских государств на территории Западной Сибири: IV Всероссийская (национальная) научная конференция, 30–31 октября 2020 г. : материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2021. – С. 119–121.

3. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – М. : Университетская тип., 1895. – Ч. 1 : Документы воеводского управления. – 421 с.

4. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – М. : Университетская тип., 1900. – Ч. 3 : Документы по сношениям местного управления с центральным. – 389 с.

5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – Б.м., б.и., 1901. – Ч. 4 : Документы центрального управления. – 287 с.

6. Оглоблин, Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семёна Ремезова / Н. Н. Оглоблин. – СПб. : Тип. В.С. Балашева и К°, 1891. – 12 с.

7. Тихонов, С. С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») / С. С. Тихонов // История, экономика и культура тюрко-татарских государств на территории Западной Сибири: II Всероссийская (национальная) научная конференция, 17–18 апреля 2014 г. : Материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2014. – С. 6–11.

8. Тихонов, С. С. «Доезд Струнина 720 года» в «Хорографической книге...» С.У. Ремезова и сведения по географии и истории Сибири / С. С. Тихонов // VIII Емельяновские чтения, 20 апреля 2018 г. : материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2019. – С. 22–27.

Секенова О.И.

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МАСАЛЬСКАЯ-СУРИНА И ЕЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Ключевые слова: женщины-ученые, женщины-историки, социальная история науки, история России.

Сегодня в условиях развития исследований женского вклада в историческую науку, отдельной проблемой является возвращение в научный оборот забытых имен русских женщин-историков. Так, одной из первых исследовательниц истории Западных губерний Российской империи стала Евгения Александровна Масальская-Сурина (Шахматова) (1862–1940) – хотя большая часть исследовательских работ ее остаются неопубликованными, сегодня ее научное и литературное наследие постепенно находит свой путь к читателю. Евгения Александровна Масальская-Сурина гораздо известнее в отечественной исторической науке как старшая сестра знаменитого текстолога и историка древнерусского летописания А.А. Шахматова, о ранних годах жизни которого она оставила теплые и подробные воспоминания, впервые опубликованные еще в 1929 г. [1]. Впоследствии Е.А. Масальская-Сурина передала большую часть семейного архива и собственных научных и литературных работ в Государственный Литературный музей, сегодня эти документы хранятся в РГАЛИ и СПФАРАН. Но один документ – семейные воспоминания 1908–1920-х гг., переправленный норвежскому ученому Олафу Брокку, сохранился в архиве Норвежской национальной библиотеке и был опубликован на

¹ Подготовлено при поддержке РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».